

Наталья Иванова

Русский писатель открывает и закрывает Запад

1.

Специфический маршрут русского путешествия – Запад. Повествование о чужом мире при этом – с большей или меньшей степенью напряженности – внутренне ориентировано по отношению к центру (Россия). Странствие становится испытанием. При этом, казалось бы, дополнительные для жанра путешествия задачи – философские и мировоззренческие – становятся главными. В путешествии возникают провокационные проклятые, вечные темы: Я, Бог, Другой и Другие.

Это происходит в жизни и творчестве писателей, действительно преодолевших насильственную изоляцию от мира. Другое дело – писатели, не желающие эту изоляцию преодолеть, возводящие свое пребывание в ней в особую «патриотическую» изоляционистскую позицию.

Такие писатели унесли с собой из советского времени особую замкнутость, сосредоточенность на себе – и на «своём». Россия воспринимается ими безоговорочно как «земля святых чудес», настоящая православная страна, правильно устроенная (при любом режиме и правлении). «Деревенщики» перенесли свою Россию-икону прямо в современность – и из советского времени, и из русского средневековья. Вместо реальной страны с ее неоднозначной историей, с ее испытаниями, падениями и преступлениями – страна-миф, населенная мифическим русским народом, идущим от победы к победе.

«Деревенщики» сразу, как только началась перестройка и поднялся железный занавес, выбрали позицию разоблачителей «чужебного влияния», западного заговора, направленного против России и русских (Василий Белов, роман «Все впереди»). Путешествие на Запад воспринимается как искушение, которому настоящий русский человек не поддается, – как он не поддается европейским и особенно американским соблазнам. Стойкий герой (и стоящий за ним автор) разоблачают тех, кто хитростью насаждает в России «общеевропейские ценности» (читай – западные). Это преимущественно евреи (антисемитизм, скрытый и неприкрытый, – постоянная характеристика этого рода словесности, вот уже на свободе – проявляет себя открыто последние 20 лет; в советские времена, несмотря на все ограничения для евреев в жизни, на литературный антисемитизм налагалось лицемерное табу). Не избежали такого противопоставления великой своей культуры России – разлагающей массовой культуре, насаждаемой здесь у

нас Западом, как крупные русские писатели Валентин Распутин, Виктор Астафьев (позже раскаявшийся в своей позиции), так и писатели помельче, например, Владимир Крупин, Владимир Личутин.

Особый сплав русского национализма и советского (коммунистического) патриотизма демонстрирует «краснокоричневый» Александр Проханов – и в газете, которую он возглавляет (*Завтра*), и в романах, которые этот плодовитый автор публикует, и в своих журналистских выступлениях на радио («Эхо Москвы») и телевидении (государственный канал «Россия»). Именно за последние годы такая позиция выглядит все более востребованной – присутствие Проханова в СМИ все более возрастает. И голосование за эту позицию в прямом (якобы) эфире тоже имеет тенденцию к росту – и чаще всего побеждает оппонента (программа Владимира Соловьева «Поединок» и др.). Особенно жесткой – на грани оскорблений – является риторика относительно либералов («либерастов»), – в этой риторике объединяются все антидемократические силы.

Большую, ни с чем несравнимую поддержку этому направлению (в противопоставлении России Западу) оказал Александр Солженицын с его двухтомником *Двести лет вместе* и книгой мемуаров *Угодило зернышко между двух жерновов*.

Антизападничество раскололо и писателей в эмиграции, и тех, кто вернулся на родину (Александр Зиновьев с его оправданием советского и прямыми просталинскими высказываниями).

Любопытно отметить, что даже литераторы вполне либерального толка (пример, литературный критик Андрей Немзер) не наделяют никакими достоинствами писателей, живущих на Западе (например, прозаика Михаила Шишкина, удостоенного многих наград вопреки отрицательным оценкам Немзера).

Казалось бы, такая система воззрений не имеет будущего среди писателей новых поколений, мир перед которыми открыт, у которых отсутствует родовая советская травма и как ее результат – страх ко всему чужому, активное неприятие «иностранщины». Но оказалось, что это мировоззрение воспроизводится (примеры множатся – Захар Прилепин, Михаил Елизаров, представители «нового реализма», происхождением из советской литературы и, во многом, утрированно советского мировоззрения).

2.

История путешествий как литературного жанра – это история приливов и отливов свободы в России.

Писательское путешествие как литературный жанр в неволе размножается плохо. Тем не менее, писатель даже в крепостное советское время всегда стремился найти выход из советской клетки. Это были поездки по республикам, входящим в СССР. Таким выходом для Осипа Мандельштама в начале 30-х стала

Армения («Путешествие в Армению»), для Бориса Пастернака – Грузия (цикл стихотворений «Волны», переводы грузинских поэтов, «Люди и положения»), для Анны Ахматовой – Азия (Ташкент в эвакуации). Интерес к экзотическим, «окраинным» темам был стимулирован идеогеографией советской империи: «Если выпало в империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря» (Бродский). А если не там живешь? Тогда – наведываться туда, как только представится возможность. «Нет ничего более поучительного и радостного, чем погружение себя в общество людей совсем иной расы, которую уважаешь, которой сочувствуешь, которой вчуже гордишься» – Осип Мандельштам («Путешествие в Армению»). Мандельштам не обольщается барабанным «единством» советских народов. Он прозорлив: «Чужелюбие вообще не входит в число наших добродетелей. Народы СССР сожительствоуют, как школьники. Они знакомы лишь по классной парте да по большой перемене, пока крошится мел».

Тяга к расширению знакомства – географического, климатического, культурного, литературного, человеческого – прослеживается от Мандельштама и Пастернака («Несколько положений») через Василия Гроссмана («Добро вам!») до Андрея Битова («Уроки Армении», «Грузинский альбом»).

Чем ограниченнее пространство для путешествия, тем шире разлет ассоциаций.

Путешественник-автор, как Робинзон Крузо, собирает на остров своего текста все, что сможет вытащить с корабля культуры, потерпевшей в России XX века крушение.

А если советского писателя выпускают на Запад? Это огромное событие!

Советский писатель мог преодолевать границу с обязательством выполнения идеологических поручений: быть агентом влияния – и здесь, и там. Пропагандистом советского образа жизни, на фоне которого допускался дозированный показ тщательно отобранных (чтобы не производили сильного впечатления) картин и картинок западной действительности. Разрешено было восхищаться плодами трудов обыкновенных рабоче-крестьянских рук. Допускалась дозированная радость по поводу народного или традиционного искусства. Но в целом Запад, конечно, следовало разоблачать, – чем (за поездку на Запад!) советские писатели и занимались, принимая правила игры. Перечислять писателей, с удовольствием объездивших мир и изощренно клеветавших на него, скучно, и этим я заниматься не буду.

Путешествие Ильфа и Петрова в «Одноэтажной Америке» имеет отчетливую идеологическую установку: сравнения загнивающего Запада и здоровой, прибавляющей в росте Страны Советов.

Если же писатель нарушал предписанный для жанра путевых впечатлений баланс, то дело кончалось плохо – например, статьей-окриком «Турист с тросточкой» после публикации в *Новом мире* дневника Виктора Некрасова о его поездке в Европу. В результате окриков Некрасов эмигрировал на Запад, во Францию.

Путешествию на Запад, запечатленному в стихах и прозе «шестидесятниками» с их порывом доставить читателю новые сведения о Западе, в том числе о новом западном искусстве, писатели-деревенщики предпочли иное географическое и идеологическое направление – путешествие по России, даже скорее – в Россию как малую родину.

Литературные путешествия из России в советской литературе были связаны с противопоставлением типов идеологий и культур. В основу путешествия были положены оппозиции. Оппозиции социального, исторического, национального типа. Наше – святое, их (западное) – адово.

«Дому» (в первом случае) противопоставлялось чужое, враждебное по ощущениям писателя-клаустрофоба пространство.

3.

Если вообразить графическую линию возрождения или угасания жанра путешествий в *современной* словесности, то она, безусловно, окажется соответствующей изменениям – либо в самой стране, либо в жизни одного, отдельно взятого писателя. Отъезд – вынужденный или желанный, т.е. эмиграцию, – теперь сменило путешествие, которое может быть кратким или длинным, деловым или почти «туристическим», курортно-познавательным.

Сразу после падения железного занавеса, начиная с конца 80-х годов XX века, жанр русского путешествия на Запад обретает новые черты. Писатель-путешественник переходит через границу «времен» и оказывается «на том свете», встречаясь (или знакомясь) с людьми, с которыми «на этом свете» встреча была заказана. Результатом такой первой свободной встречи с Западом (и с коллегами-эмигрантами) чаще всего был шок или эйфория, вернее, и шок, и эйфория.

Само пересечение границы писателем в начале перестройки в новом романе Евгения Попова «Хаос» изображено почти документально, но с фантастическим сдвигом. Документально: первые поездки писателей были связаны с мероприятиями, устраиваемыми на Западе (политическими или литературными, или и то, и другое вместе), в данном конкретном случае – приглашение автора на съезд ХДС с докладом о «переменах» и для участия в дискуссии. Фантастический сдвиг: паспорт повествователя покидает владельца, самостоятельно путешествуя через границу и обратно. Мечта повествователя: «поселиться на мосту», т.е. жить ни на родине, ни за границей. На мосту – на границе – автогерой – повествователь внаходим: он ни тут, ни там. Он – недостижим ни собственным властям, ни западным политикам, которые хотят так или иначе его использовать. Это – самое комфортное из положений: «Я поселяюсь на мосту. Обживаю слабый остров, намытый дрянью. Варю щи в консервной банке. Устанавливаю ди-

пломатические отношения сначала с Польшей и Германией, а потом с любимой Россией. Обо мне пишут в газетах. Богатею, строю вертикальный дом, где на первом этаже расположится офшорный банк, а на втором – сами знаете что. Помогаю родной сторонухе с ее «неокрепшей демократией».

«Парижский миф советского прошлого» состоял в том, что «Париж автоматически становился пунктом, где кончается время и начинается рай».

Как стремился к путешествию на Запад только что переставший быть советским человек – о том рассказывается в «Уроке настоящего времени» Глеба Шульпякова. В его книгу «Persona Grappa» вошли эссе о реальных путешествиях автора в Стамбул, Венецию, Лиссабон, Лондон, Дубровник, Америку.

Литературное путешествие как жанр (после того, как шок/эйфория начали проходить, а писатель адаптироваться, впечатления накапливаться и нуждаться в рефлексии) стало проникать глубоко в текст, подчиняя себе сюжеты и героев. Писатели описывали пребывание на Западе как определенный, но временный слом образа жизни. Как внезапное перемещение в сказку. Возвращение назад, с Запада в отечество, Игорь Клех описывает на последней странице своего повествования «Зимания. Герма» сначала сентиментально, со слезой, уподобляя, правда, эту неподдельную слезу возвращения домой («...и очнешься и замрешь, боясь сглотнуть оттаивающий комочек возвращающегося чувства земли и дома»), а в конце – жестоко:

«С возвращением на помойку, герр путешественник...»

Литературное путешествие начала 90-х имеет постоянным фоном еще одну существенную проблему: конец СССР, в результате которого «отпала [...] советская империя. Людей, затронутых этими процессами [...], следовало бы назвать пассивными эмигрантами: уехали страны, а не они». А тебе – «Тебе дали шанс, подарили ни за что [...] другую загробную жизнь, целых сорок дней». Сорокадневный выезд в Германию автор оценивает как «запоздалый праздник».

Игорь Клех описывает прежде всего тот шок, который он получил при погружении в иную среду – культурную, цивилизационную, национальную. Человек, который сорок лет своей жизни никуда за границу не выезжал, испытывает чувство растерянности, даже страха; головокружения от непривычности и своеобразия; эйфории, сменяющейся чуть ли не депрессией. Сорок лет держали в клетке, а теперь выпустили и сказали: гуляй самостоятельно! «Тебе дали шанс, подарили ни за что [...], для этот запоздалый праздник. Потому что больше так не будет уже никогда». Запомним эту последнюю фразу: путешествие расценивается (и совершенно точно) как инициация – а она неповторима, в том числе и по испытываемым в момент инициации эмоциям. Клех называет свою реакцию «рептильной» – описывая себя/в/загранице/впервые как «грудного младенца с непомерно развитыми конечностями, включая колышущийся интеллектуальный отросток». Попав в «загробный мир», «на тот свет», автор-герой даже не пытается сразу разгадать «механизм чуда»: «Отпусти свое бедное совковое тело гулять

чуть впереди себя, наблюдай, улыбайся...». Шок – и оттого, что обнаруживает себя комплекс неполноценности: «Право, ты этого не заслужил. Даже этих самозакрывающихся за тобой дверей и писсуаров с фотоэлементами». Вторая часть шока – это «материализация имен».

В следующей повести Клеха, «Крокодилы не видят снов», действие тоже происходит в Германии. Но шок уже прошел – и повествование становится вялым, теряет энергию; герой («жилец»), снимающий на время комнату в Берлине, постоянно раздражается окружающим. Интеллектуальная рефлексия по поводу Запада на этом фоне становится амбивалентной.

4.

Человека, прожившего жизнь в закрытом советском мире, можно уподобить – по мироощущению – человеку средневековому, который «рассматривал и географическое путешествие как перемещение по "карте" религиозно-моральных систем: те или иные страны мыслились как еретические, поганые или святые»¹. До того как был устранен «железный занавес», «погаными» странами для СССР и его писателей был капиталистический Запад.

Запад в сознании писателей, впервые попавших за границу и описывающих свои ощущения, предстает другим пространством, почти сакральным, в котором действуют иные силы и закономерности. Писать реалистически-подробно о попадании и пребывании в этом пространстве, как считает Елена Шварц, не имеет смысла, и называет свое литературное путешествие «фантастической повестью» (*Знамя*. 2001. № 1). Но и сам путешествующий – это уже другой относительно самого себя.

Елена Шварц в «Литературных гастролях» передоверяет ощущения персонажу: «Заграничная жизнь – подлинно за границей своих привычек». Перемещение географическое воспринимается как метафизическое изменение мира и путешествующего человека. Если путешественник пересекает границу, летя на самолете на поэтический фестиваль «Дети Европы», и воспринимает это название буквально: «когда из облаков внизу показались ровные электрические круги германских городов, наоборот – Европа родилась для меня. Потом, когда золотое гремящее блюдо ночного Лондона, накреньясь, стало вертикально, что-то внутри резко и непоправимо изменилось. Превращение, которое случается со всяким, забредшим в мир иной». Главка, в которой это изменение описано, так и называется: «Инициация».

Елена Шварц помещает свою «инициацию» в очень значимый исторический момент: «Впервые я пересекла воздушную границу своей большой тогда родины

¹ Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах / Избранные статьи в трех томах. Таллин, 1992. Т. 1. С. 408.

в год падения Берлинской стены. Советская власть неотвратимо влеклась к смертному ложу, и одним из симптомов и признаком ее неизлечимости было то, что неофициальному поэту разрешили откликнуться на приглашение и принять участие в фестивале». Путешествие поэта (уже – сакральная фигура, со своим «режимом» и жизнью, противопоставленной обыденности) на праздник (фестиваль) в мир иной имеет трижды «сакральный смысл».

Бывший советский (не по убеждениям, а по времени и месту рождения и жизни) человек попадает через границу еще и в тот момент, когда утрачивается, переживая катастрофу, родная страна, какой бы она ни была. Поэтому возникает и образ «лодки» или «корабля» на «гибельном» море, настойчивый образ катастрофы, в водовороте которой погибает корабль, но чудесным образом спасается поэт.

Пересечение границы – одновременно и реальный, и метафизический акт.

Ольга Седакова в «Путешествии в Тарту и обратно» описывает поездку на похороны Юрия Михайловича Лотмана в город Тарту, где находится знаменитый своей независимостью даже при советской власти университет. «Город Тарту, некогда Дерпт, когда-то Юрьев, уже не первый год был за границей». Для того чтобы поехать, нужны виза Эстонии и отметка российского МИДа. Так как эта отметка не была вовремя Седаковой проставлена, то она рискнула поехать с невыправленными документами, и была снята – на границе – с поезда.

Такова внешняя канва сюжета.

Теперь о внутренней.

«Странствие и болезнь лучшие из дней нашей жизни, – заметил меланхолический библейский автор, – ибо скоро проходят». «Если жизнь есть сон, то эпизоды болезни снятся на верхней полке». Литературное путешествие у Седаковой вписано в решающие координаты жизни, болезни, сна и смерти. «С кем граничит Россия? – Россия граничит с Богом», – вспоминает Седакова слова Рильке.

И Ольга Седакова исследует эту границу сегодня, резко снижая пафос. Сравнивая Россию с Западом – через ритуал похорон. Похороны: прощание с Учителем, пересекшим уже самую главную границу: человеческой жизни здесь.

Наблюдения путешествующего разделяют людей на две группы: мы и они. «Эстонские люди красиво стояли и склонялись у гроба, красиво опускали цветы. Российские ежились и не знали, что делать со спиной и плечами. Ритуальная геральдика поз и мимики давно покинула наше социальное бытие, на этом иностранном языке, на языке телесного этикета они не могли бы сказать ни слова». Внутренний взор автора (Седаковой) постоянно включен для сравнения – при активно фиксирующем знаки ритуала взгляде. Напряжение похорон для автора – в сопоставлении России и Европы. Противопоставляется: «монастырская твердь Европы», «всеобщая латинская образованность», «служители свободных искусств, единого прекрасного жрецы» – России: «в России все, не только ученые и

поэты, но и монахи-затворники, служили России». Седакова прощается с Тарту и как со «старой Европой», и как с «последней Россией».

Путешествие, оказывается, не только многое проясняющий в Европе стресс, но и самая сильная операция по удалению катаракты при взгляде на Россию.